

В ОЗВРАЩАЮСЬ в Ереване, чтобы «досмотреть» несколько спектаклей. И вновь окунаясь в атмосферу театральности, столь характерную для столицы Армении. Любовь к театру складывалась издревле и овладевала всеми слоями общества. Армянский театр числится в своих драматургах и Артавазды второго, и средневекового поэта О. Пулаза, и классика П. Минасяна, и демократа-просветителя Х. Абовяна, и замечательных реалистов Г. Сундучина, А. Пароняна, А. Ширванзаде, а среди тех, кто создавал эстетику сценического искусства, были и революционный демократ М. Налбандян, и большевики С. Шаумян, С. Спандарян. В тяжелых условиях жизни армяны на чужбине театр становился олицетворением и источником национального самосознания, порой единственным способом защиты и сохранения своей культуры.

В годы Советской власти любовь к театру стала общенародной.

Только за последние время в Ереване возникло несколько новых театров, в том числе два молодежных, азербайджанский и уникальный театр «Дружба». Последний создал ниаципитальный и энергичный руководитель Армянского театрального общества режиссер Р. Капалаян. «Дружба» приглашает лучшие театры из многих городов страны. Здесь успешно прошли вахтанговская «Принцесса Турандот», тбилисский «Король Лир» с Серго Закариадзе, бакинский спектакль «Антоний и Клеопатра» и другие постановки.

Ереван видит много. Мне довелось познакомиться здесь с гостями из Болгарии — Софийским и Варненским армянскими театрами, которые сохраняют и пропагандируют национальную культуру среди болгарских армян. В Ереване выступали известные шансоны Шарль Азнавур, Роза Армен. Принадлежащий-франко-«Метрополитен-опера» Лили Чукасян пела в европейских и национальных армянских операх, идущих в Ереванском оперно-балетном театре. Чудесное mezzo-сопрано глубокого, буквально органичного звучания особенно пора-

зило меня, когда Чукасян пела соло и в дуэте с прекрасной вокалисткой Гоар Гаспарян в сопровождении хоровой капеллы.

Это было в дни, когда Армения отдавала дань памяти Египсе Чаренца — боевого коммуниста, первого армянского поэта, воспевшего Ленина и талантливых строфических поэмы и стихотворений. Его юбилей отмечала вся Советская страна. В Ереване состоялись торжества, на которые съехались поэты и литературоведы со всех концов Советского Союза и из-за рубежа.

и обывающее имя К. С. Станиславского.

П ОЛОЖЕНИЕ русского театра в братских республиках двойное сложное. При том, что он должен быть представителем великой сценической культуры, породившей или оплодотворившей все национальные театры, ему приходится еще «конкурировать» со своими «наследниками», которые в силу исторических условий сконцентрировались на сцене все лучшее, что дала в этой области национальная куль-

тура. И неумудрено, что Ереванский русский театр временами не выдерживает такой «конкуренции». Однако же он стремится, в силу своих возможностей, опровергнуть надежды друзей-зрителей, а их у него немало, как среди русских, так и среди армян и других национальностей, населяющих большой город Ереван.

Особенно, как мне показалось, это стремление заметно сейчас, когда главным режиссером стал молодой А. Григорян. В его постановке я видел хорошие спектакли, интересные по замыслу и последовательно воплощенные артистами разных талантов, состоявшие единым творческим ансамблем усилиями постановки.

В комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» А. Григорян проявил живое ощущение как классической пьесы, так и современных к ней требований. Отнюдь не модернизируя ее героев, режиссер представил их в обличье достаточно свежем, чтобы не отнестись все богатство содержания пьесы исключительно к прошлому, к давним временам.

В эдаком спектаклях, Глушова, какому его представил Г. Коротков, видящий и порождая эпохи, и «спектакля» в современности. Ах, как обольстителен этот локный молодой

человек, как учен и сколь трудолюбив в своем нелегком деле! Не то чтобы он надрывался в действительности, нет, все спорится грациозно, без натуры, но постоянное напряжение мысли, вернее, замыслов, так и сквозит в безукоризненной пластике нескончаемого обмана. Этот Глушова даже не изображает кого-то другого, на себя не похожего, ну, там подхалима, обольстителя. Не нужно особо стараться, чтобы оккупать Мамаевых, Турсуных, Городульных, Крутичных, и не потому, что они так уж глупы: жажда ка-

заться тем, чем они не могут быть, порождает необходимость в Глушове, без которых трудно создать внешний декорум давно сливающимся фигурам.

Взаимобусловленность — вот механизм сцепления Глушова с остальными. Он нужен им не меньше, чем они ему; это видно с самого начала, откуда и закономерность финала, правда, не того, что сочинил режиссер, когда, увидев Глушова через зрительный зал, возвратил его на сцену из-за кулис в камергерском мундире, заставляя остальных согнуться перед сиятельным плутом.

В «Городе ветров» есть за что упрекнуть режиссера, но ведь в пьесе В. Кирилова — сейчас это видно — недостаточно совершенна, хотя многое в ней волнует до сих пор. Театр сделал свой вариант — лучший, поскольку введенные в спектакль стили-Маяковского, Чаренца, Терпиа и Аполлона укрепляют поэтический строй пьесы, сближают ее действие с сегодняшним днем; худший — потому что купюры в известной мере нарушают историческую логику и сложную диалектику бакинской трагедии.

Но главная помеха художественному равновесию спектакля в том, что в труппе Ереванского русского

театра видны по крайней мере два неслиявшихся потока — один исполнители играют по старинке, не чураясь наигрыша, используя штампы, что очень мешает другим, более озадаченным, органичным актерам.

Я не стану называть имена, тем более что в самом театре уже сознают необходимость укрепить труппу и режиссерскую коллегию. Но было бы несправедливым не упомянуть, что в «Городе ветров» успешно изображен герой спектакля Матвей Горюхи (Г. Коротков), остро играет меньшевика Листикова Ю. Фролов, привлекательна Н. Егорова в роли Нины Владимировны, что в спектакле есть ряд волнующих сцен, увлекающих зрителя, созвучных его революционному мировосприятию.

Спектакль, несмотря на погрешности, в конечном итоге достигает своей цели: он звучит как поэтический рекем в память замечательных большевиков — 26 бакинских комиссаров, чья славная жизнь была оборвана интервентами в самом начале пути, но так много пользы принесла Советской власти, родному народу...

Н А ПРИВОКЗАЛЬНОЙ площадке Еревана стоит монумент, изображающий легендарного Давида из Сасуна, героя армянского эпоса. Семь слов «стоит» и «монумент», при всей их реальности, ничего не означают, когда видишь, как распластался в неистовой скачке Давидов конь, как сам Давид, отбросив поводья, обнимая руками сжимает рукоять громадного меча, занесенного с такой мощью, что уже физически ощущаешь вулканическую силу удара, если ему придется обрушиться на врага.

Мне видится в этом прекрасном произведении искусства не только облик народного героя, нестывающего, несконченного, вечно живого, стремительно движущегося вперед. Я вижу в этом и образ самого движения, неуловимого, непрерывного вечного движения вперед армянского народа, движения его искусства, красного, содержательного, уходящего глубинами корнями в далекое прошлое, в вышнюю кроны — в будущее времена.

М. ЛЕВИН.

В АТМОСФЕРЕ НЕУПРАВЛЯЕМОСТИ

Да, недаром Египсе Чаренц однажды сказал:

Мне снова петь. И что бы ни твердили,

Не оторвут от Ленина меня...

И лиру недруг мой сломить не в силах,

И звук растет, еще сильнее звеня!

Египсе Чаренц дорог нам и как автор превосходной комедии — национальной буффонады «Капкаш-тамаша» («Кавказское обозрение»), этой армянской «Мистерии-буффа», озорно, с лягушкой восточной разоблачающей армянских меньшевиков-дашнаков, предававших и продававших свой народ отечественным и зарубежным капиталистам. Прав был Ваграм Папазян, когда в воспоминаниях о своей постановке «Капкаш-тамаша» писал: «Люди, подобные Чаренцу, навсегда остаются в памяти благодарного народа, их голоса не могут заглушить ни клевета, ни смерть». Смерть, однако бы она ни была, как бы заковом рождает творца, приносил с собой подлинную оценку его труду, начиная его бессмертия. Единственная реальность, из которой смерть не властвует, — память народа, запечатлевшая облик и труд человека».

Но вернемся к театру. И на этот раз не к армянскому, а к русскому, носящему в Ереване прекрасное